

УДК 398.22(=352.3)
DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-108-118

Л. С. Хагожиева

Кабардино-Балкарский научный центр РАН

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ «ОДИН», «ДВА» В ЭПОСЕ АДЫГОВ

Аннотация. В статье анализируется характер отражения символики числа «один» и «два» в поэтике историко-героического эпоса. Устанавливается, что они содержат глубокие мифологические корни, являются носителями народного сознания и менталитета этноса и находят отчетливое отражение в фольклоре адыгов. Выявить художественные формы проявления этих чисел на материале историко-героических песен и преданий – цель нашей работы. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать тексты историко-героического эпоса; изучить символику чисел «один» и «два» в эстетическом плане; проследить специфику репрезентации сакральной основы данных чисел. В работе были учтены идеи философского учения пифагорейцев о числах. Нами поддерживается теория разделения четных и нечетных чисел, и отнесение первых к женскому полу, т. е. к отрицательному, а вторых к мужскому полу, т. е. к положительному. Исследование характера художественного отражения символики числа в историко-героическом эпосе является важным для комплексного изучения фольклора. В этом и состоит актуальность выбранной темы. Работа проводится с использованием структурно-сопоставительного метода. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных авторов, посвященных изучению символики чисел адыгской культурной традиции. Изложены и применены основные идеи З. Ж. Кудавой и М. Р. Хежевой. Практическая значимость работы состоит в том, что его результаты могут быть полезны для специалистов в области фольклористики, а также для круга читателей, интересующихся народной традиционной культурой. В результате проделанной работы выявлено, что символы числа оказываются одним из способов выражения нравственного аспекта этнического сознания. В эпосе они понимаются как средства художественной выразительности.

Ключевые слова: мифологические представления; народный эпос; песни; предания; художественная система; символ; знаки; числа; один; два

Для цитирования: Хагожиева Л. С. Символика чисел «один», «два» в эпосе адыгов. Эпосоведение. 2023, № 4. С. 108–118. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-108-118.

L. S. Khagozheeva

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS

Symbolism of numbers in the Circassian epic: one and two

Abstract. The article analyzes the nature of reflecting the symbolism of the number one and two in the poetics of historical and heroic epic. It is proved that they contain deep mythological roots, are the carrier of folk consciousness and mentality of ethnos, and have a clear reflection in the Adyghe folklore. To reveal the artistic forms of manifestation of these numbers on the material of historical and heroic songs and legends was the purpose of our work. To achieve the goal the following tasks were set: to analyze the texts of historical-heroic epic;

© Хагожиева Л. С., 2023

© Khagozheeva L. S., 2023

ХАГОЖЕЕВА Лиана Славовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия. ORCID: 0000-0003-1811-5183. E-mail: liana1771@mail.ru

KHAGOZHEEVA Liana Slavovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher of the Adyghe Folklore Sector, Institute of Humanitarian Research – Branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Nalchik, Russia. ORCID: 0000-0003-1811-5183. E-mail: liana1771@mail.ru

to study the symbolism of the number “one” and “two” in its aesthetic plan; to trace the specificity of representation of the sacral basis of these numbers. The ideas of the Pythagorean philosophical doctrine of numbers were taken into account in the work. We support the theory of division of even and odd numbers, and attributing the former to the female sex, i. e. negative, and the latter to the male sex, i. e. positive. The study of the nature of artistic reflection of number symbolism in historical and heroic epic is important for the comprehensive study of folklore. This is the relevance of the chosen topic. The work is carried out using the structural-comparative method. The theoretical basis of the study was the works of domestic authors devoted to the study of the symbolism of numbers of the Adyghe cultural tradition. The main ideas of Z. Zh. Kudaeva and M. R. Hezheva are outlined and applied. The practical significance of the work consists in the fact that its results can be useful for specialists in the field of folkloristics, as well as for the circle of readers interested in folk traditional culture. The result of the work done is that number symbols turn out to be one of the ways of expressing moral ethnic consciousness. In the epic they are understood as means of artistic expression.

Keywords: mythological representations; folk epic; songs; legends; artistic system; symbol; signs; numbers; one; two

For citation: Khagozheeva L. S. Symbolism of numbers in the Circassian epic: one and two. Epic studies. 2023, no. 4. Pp. 108–118. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-108-118.

Введение

Историко-героические песни являются одним из самых распространенных жанров устного народного творчества адыгов. В них отображается общественное настроение, нравственные представления, национальный моральный характер, основные качества героя.

Как правило, каждое слово, используемое в тексте, или упоминание о каком-либо предмете, явлении, нагружено особым смыслом. В связи с этим, можно сказать, что частое обращение к числам в фольклоре имеет символический характер. Художественное значение числа играет важную роль в культурной традиции адыгов. В этом направлении было осуществлено много значимых работ. По результатам таких исследований можно говорить о том, что функциональная особенность символики числа в фольклоре не всегда однозначна. Несмотря на то, что мифологическая основа везде сохраняется, каждый жанр имеет способность подчинить её себе. Таким образом, согласно специфике жанра, главная задача числа в историко-героическом эпосе состоит в объективации сильного героя, посредством символической характеристики его атрибутов или приумножения его действий, силы и мощи, с целью возвышения образа самого героя. Подтвердить справедливость данного суждения – задача нашего исследования. В существующих работах исследования проведены на основе малых жанров фольклора, сказочной прозы и нартского эпоса. Мы же сделали попытку анализировать характер отражения символики числа в историко-героическом эпосе. В этом и заключается актуальность данной работы. Работа проводилась с использованием структурно-сопоставительного метода. Теоретической базой исследования послужили работы отечественных авторов, посвященные изучению символики чисел адыгской культурной традиции. Изложены и применены основные идеи З. Ж. Кудавой [1] и М. Р. Хежевой [2].

Символика числа «один» в эпосе адыгов

В эпосе особо выделяется символическое значение числа 3. В связи с тем, что число 3 и его производные обозначают схожее символическое значение, мы объединили их в одной работе и представили в статье «Числовая символика в эпосе адыгов» [3]. Эпические числа, отличающиеся от данной числовой символики, мы намерены представить отдельно от них в данном исследовании.

Как отмечает Алиев Орудж, используемые в устном народном творчестве числа по их поэтической природе можно разделить на две группы: сакральные и традиционные. Традиционные – это числа, не нагруженные дополнительной семантикой. Сакральные числа связаны с обычаями, традициями, верой. Согласно народному поверью, эти числа обладают магической

силой воздействия, приносят добро, радость [4, с. 155–166]. В связи с этим, объектом нашего исследования становятся числа сакральной группы. Так, исследование исторических песен адыгов позволяет сделать вывод о сакрализации некоторых чисел. Наиболее употребительными в этом плане считаются числа первой десятки. Согласно проведенному сравнительному анализу, в исследуемом жанре это следующие числа: 1, 2, 3, 6, 7, 9, а также числа 12, 100 и 1000, иногда 3000.

К примеру, число «один» (*зы*) в мифологии многих народов является священным и магически заряженным. В мировой культуре оно символизирует первичную целостность и является признаком совершенства [5, с. 629]. Проникнуть в свойства чисел можно, углубляясь в философию о числах Пифагора Самосского (основателя древнегреческой философии). Его основная идея сводится к учению о мире, как об едином и гармоничном соединении, подчиненном законам чисел. Суть его сводилась к тому, что в основе всех вещей, законов мира и Космоса лежат числа. По философии данного направления единица объединяет в себе все числа и является началом всего мира, это символ единства, тождества, равенства, целостности. Пифагорейцы считали её главным числом (т. к. любое другое число по своей сущности является их сочетанием), прототипом которого является монада. Монада, или Священная Единица, для них тождественна великой силе, сосредоточенной в центре Вселенной и контролирующей движение планет, т. е. она считалась священной, божественной. Она воплощала любовь, согласие, благочестие и все положительное на Земле. Аналогичные суждения показывают результаты исследования З. Ж. Кудяевой. Для адыгской культурной традиции число «один» обозначает целостность, единство, связанное с образом «совершенной» целостности Тха – верховного божества адыгского мифологического пантеона [1, с. 23]. В малых жанрах фольклора, сказках и нартском эпосе это число служит для обозначения определенного или неизведанного пространства, времени, действующего лица или выступает в значении совершенства, целостности и единства, а также как концентрация в чем-то одном. В историко-героическом эпосе же, чаще всего, значение числа «один» интерпретируется как концентрация сил в одном предмете или действии.

Так, глубина трагизма по погибшему герою может быть выражена через какой-либо единичный образ. В песне о кулькужинской битве, всю боль и горе по павшим в бою, как нельзя лучше, воплотил в себе образ одинокой арбы, везущей этих героев:

*Хьэдибгъур зыгукIэ, мэлыхъуэ гужькIэ
яшэж [6].*

Девять трупов в одной пастушьей арбе
привозят (пер. автора статьи).

В другом варианте этой песни:

Уарейдэ, хьэдитIхэр зыгукIэрэ нашэри [7].

Уарейда, два трупа в одной арбе везут (пер.
автора статьи).

В более позитивном значении, эта концентрация определяет силу и мощь в одном действии или одном предмете. Как было отмечено выше, связано это с тем, что цель данного жанра – выделить главного героя, подчеркнуть его достоинства. Использование данной символики позволяет решить эту задачу:

*Къумгуэрэ си хьэзыр тIоцIыр
фочтIацIэм цызоунэцI... [8, с. 420].*

Заряженные мои двадцать газырей
В ружье одном я опорожняю... [8, с. 421].

Таким образом, в песнях исторического эпоса максимально употребительна концентрация силы и мощи в одном ударе, способном сломить врага, или в роковом образе «одной пули» героя, от которой он сам погибает.

Так, герой исторической песни Алихан Каширгов заступился за своего отца. Его обидчик был дворянином, и это он посчитал недостойным его дворянской чести. Чтобы вернуть свое гордое имя, он решил убить его и выстрелил в него из ружья. Алихан был ранен, но он сумел в ответ нанести ему смертельную рану кинжалом. В те времена такое не осталось бы безнаказанным. Сын убитого застал Алихана врасплох без оружия и убил его. Образ «одной пули», унесшей жизнь героя описывается следующим образом:

(Сэрмахуэ, уой) зэ уэгъуэ закъуэти <...> (Сармахо, уой) от одного выстрела <...>
Алихъаныр епсыхъжакъэ! [9, с. 454] Алихан навсегда спешился! [9, с. 455]

Негативное содержание может также выражать первый выстрел, (следовательно, одна пуля), в результате которого погибает богатырь:

(Ор) Нэгъоижъыхэри (а ар) цыупэи, <...> (Ор) Нагойжи (а ар) всадник передовой.
(Ар) цкончыцэпао гуцэмэи (а) Тхъэр (Ар) из ружья первым выстрелившего
хуабгъэ [8, с. 278]. (гуша, а) бог да проклянет [8, с. 280].

Позитивное же значение образа «одной пули» обозначает воинские качества героя и его неоспоримое превосходство над противником. Возвышение образа одного из участников карашкатауской битвы, происходит отражением того, как он одной стрелой сразил знаменосца:

(Уо) игъазэри зышэ (уо-уо-уэ) яхидзэц, (Уо) повернулся и, одну стрелу (уо-уо-уа)
<...> путив, <...>
сэнжакъым цІэтри цІигъацІэц (жи) знаменосца [ею] свалил (жи) [10, с. 198].
[10, с. 194].

Такой же прием применяется к образу прославленного воина-рыцаря Аджегерий Кушука («Ажджэрий и къуэ Кушыкупщ и уэрэд» – «Песня о князе Аджегерии Кушуке»):

(Уа-ра) дэныскІуей гуцэмэи (уэр) (Уо-ра) из донских (гуша, уар) [самых]
яхъмызагъэхэр (сэрмахуэ) <...> беспокойных (сармахо) <...>
(Ар) шэ закъуэ гуцэкІэрэ (а дуней, тІэ, уэ) (Ар) пулей одной (гуша, а дуней, та, уа)
махуэм тхурегъэпсых (жи) [8, с. 246]. в тот день (та) ты с коня снимал (жи)
[8, с. 249].

Такое же смысловое выражение в эпосе адыгов обнаруживается и в образе «одинокого всадника» – *шу закъуэ*. Историко-героическая песня наследует из нартского эпоса, предшествующего исторической песне, традиционные представления о мужестве и храбрости, нашедшие воплощение в образе «одинокого всадника» (Бадынокъуэ (Бадиноко) и др.). Воины-рыцари стремились превзойти друг друга в бою, заслужить славу и удостоиться воспевания в народных песнях. Особой доблестью считались решимость и умение совершать воинские рекогносцировки, отправляться в набег в одиночку и добиваться успеха. В связи с этим, *шу закъуэ* – «одинокий всадник» – традиционная формула, символизирующая храбрость и мужество воина-наездника, не испытывающего страх перед смертельной опасностью [11, с. 155]. Этот герой в песне предстает одним из таких «одиноких всадников»:

Уэркъ гуцэр зэхыхъэмэ, Когда наездники съезжались,
и закъуэу хъуницІэр къафІеци [10, с. 109]. он в одиночестве устраивал набег
[10, с. 111].

Очень часто для усиления образа бесстрашного одинокого героя его приравнивают или противопоставляют отряду из сотни, иногда тысячи или трех тысяч войск. Такой герой легко одолевал сто всадников в одиночку [8, с. 246, 249]. Другой вариант этой песни описывает воина, способного вступить в бой с войском из ста всадников [8, с. 241, 242]. Данный прием акцентирует воинские и моральные достоинства героя посредством сравнения или превосходства одного всадника над сотней или тысячей ему подобных:

*Шыу мины гуцэми фэдэр хэмыта, –
Хьамытэжгы гуцэкГэ шыуи-Абрэдж*
[8, с. 365].

Среди тысячи всадников подобных кому нет,
<Это> Хамитижевых, гуца, ваш Абрэдж
[8, с. 368].

Иногда данным множественным числам в эпосе противопоставляется значительно меньшее число, в знак сетования о том, что могущественный воин по силе равный 100 и 1000, или 3000 всадников проигрывает врагу, значительно уступающему ему по достоинству. В этом видится глубокий символический знак слабости и уступающей позиции народа в противостоянии с врагом. Иногда 1000 усиливается символом множественности еще большего числа как 3000, иногда и 5000. Как правило, это противопоставление числа 3000 и 15, иногда 1000 и 15, или 1000 и 12 или 3000 и 12. В названной выше песне поется о том, что крепость адыгов, которую раньше не осмелились бы взять и три тысячи всадников, теперь взяли пятнадцать всадников [8, с. 364, 367]. Следует заметить, что именно подобное числовое соотношение несет глубокий символический смысл. Число 12 олицетворяет магическую силу добра [5, с. 631]. В связи с этим, как правило, в фольклоре многих народов в отряде всадников насчитывается ровно 12. В данном случае, указание на множественное смысловое значение чисел 1000 и 3000 в позиции врага и позиции своих, где не набралось и 12 всадников – знак явного поражения и упадка народа:

*ФыцГагьэурэ слъагьухэр, <...>
(Уей дуней) шу мин тэмэмт (иджы, тГэ)
долъытэ <...>
Муслъымэным зыкьэтлъытэжым, <...>
(Уей дуней) шу пцыкГутГ джафэ (иджы)
дрикьукьым [8, с. 331–332].*

Чернота, что я вижу, – <...>
(Уей дуней) всадников тысяча ровно <...>
Мы, мусульмане, когда себя пересчитываем, <...>
(Уей, дуней) всадников двенадцать даже
(иджы) не наберем [8, с. 334].

Число 15, как и 12 – одно из самых счастливых и считается символом удачи и счастья. А включенная в состав числа единица, является символом активной борьбы [5, с. 231]. В этой связи, это число иногда выступает как вариант числа 12:

И насчитывают тысячу нас,

А нас и пятнадцати не насчитать [8, с. 179].

Если вернуться к упомянутой выше лексеме *закъуэ* («единственный», «одинокий»), то в эпосе адыгов достаточно четко обнаруживается её отрицательная коннотация с символическим значением уязвимости. В песнях историко-героического эпоса часто встречается целый ряд символических обозначений, сопряженный негативным посылом. Для примера приведем песню о Кербече:

*Нэгъуей **закъуэр** (уойра, уой) къарэсэкъал-
ти – и зыгум бланэр къыщелли.*

Ногаец **один** (уойра, уой) с карасакалом
(вид кремневого ружья) был – в поле оленя
метко подстреливал.

*(Уар) зи лэгъуэр (уойра, уой) кытхузэрахъ
къахъ гуцэри кытагъэтIыси.*

(Уар) [ногайца], которому умирать пора,
(уойра, уой) приносят
приносят (гуша) и в засаду сажают.

*(Уар) Щхъэгъуацэр (уойра, уой) икIыгъуэ
закъуэти
лъагъуэр кытеубыдри.*

(Уар) у Шагуаши (река Белая в Адыгее)
(уойра, уой) брод **единственный**
и тропу **единственную** [ногаец] преграждает.

*Сыдопльейри (уойра, уой) вагъуэишхуэ за-
къуэти
сыкъеплъыхмэ – лъэ **закъуэ** увынIэти.*

Гляжу вверх (уойра, уой) – [там] большая
звезда **одинокая**
гляжу вниз – [там] лишь для **одной** ноги
тропа.

*Зы шэ къокIри (уойра, уэ-уой) дыкъегъэу-
нэхъури:
мыхъужынкIэ шэч кытыдохъэ [9, с. 20].*

Одна пуля из его ружья вылетает и (уойра,
уа-уой) нам несчастье приносит:
он не выживет, боимся [9, с. 21–22].

Кроме того, символ единицы еще может оцениваться как явление, негативное по своим последствиям. Достаточно часто в песнях исторического периода встречается зов одного неизвестного человека, на который герой отзывается, и который впоследствии становится для него зловещим, иногда смертельным. Так, например, Бора Могучий выходит на зов неизвестного, и эта встреча становится для него фатальной. По одной версии предания, чтобы избавиться от прославленного воина – сына Боры, и заодно досадить отцу, незнакомый всадник, зовет старого Бору на поединок и сам не приезжает в условленное место. А тот, увидев вдали всадника, выстрелил в него. Убитый оказался его единственным сыном. По другой версии предания, чтобы подставить Бору, неизвестный обязал его убить всадника, который в назначенное время выйдет на условленный курган. Посчитав недостойным своей чести не ехать, старый воин поджидает того всадника и убивает его. Выстрелив в него, Бора подходит к нему ближе и узнает в нем своего сына. Таким образом, незнакомец коварно расправляется с Борой. А герой другой песни Жамбот выходит на вызов злоумышленников и погибает от их рук. По содержанию песни, её герои братья Жамбот и Якуб Кушховы переселились к Тохтамышевым (княжеский род). Но вскоре между ними началась вражда из-за того, что Жамбот похитил красавицу Нагуреш, к которой сватался сам князь. Посчитав это позором для дворянской чести, те решили ему отомстить. Поехали к нему поздно ночью, вызвали его, и, спрятавшись, выстрелили в него из темноты.

*Борэжь, Борэжьыри зы къоджэ.
Аеей, а къэджа макъ мыгъуэми
сыдыщIокIри [12].*

Старого Бора, Старого Бора кто-то зовет,
Ай-е-ей, к тому недоброму зову я выхожу
(пер. автора статьи).

*(Уой) жэщыбгыр мэхъури «Жамботу
цауэ», – жи мыхэм зы къоджэр (тIэ)
[9, с. 303].*

(Уой) полночь настает, «Жамбот молодой»,
– кто-то зовет (та) [9, с. 303].

Как можно было заметить, в словосочетании *зы къоджэ* в переводе на русский язык теряется числовое значение «один» и передается его смысловое значение словом «кто-то». Стоит заметить, что независимо от этого, символическая позиция числа «один» остается неизменной.

Помимо этого, нередко символическая основа числа «один» поддерживается временным показателем. Как отмечает З. Ж. Кудяева, в адыгских мифопоэтических воззрениях выявля-

ется представление о цикличности времени, которое является более глубоким, нежели знание о периодичности смены времен года, обращении светил, планет. Время структурируется по принципу года, месяца, недели, дня [1, с. 21]. Исходя из таких суждений, можно говорить о неслучайности действий главного героя в промежутках определенного года, месяцев или дней. В историко-героическом эпосе это более отчетливо прослеживается в преданиях, нежели в песнях. Так, если взять в качестве анализа цикл преданий о братьях Ешанокых, обнаруживается, что новый этап времени, с которого братья начинают свои действия, связан с истечением одного года. Можно утверждать, что исходит это из народного мнения о том, что «год – единица времени, свернутая в круг и возобновляющаяся от начальной точки творения» [1, с. 21]. Таким образом, народное сознание связывает с началом нового времени благоприятные положительные явления. Поэтому поиски Ешаноко Атаби и девушки, которую он похитил для Куйцукоко, продолжаются в течение одного года, и только по истечении этого времени находят её в доме Атабия [13]. В этом же предании, сыновья Атаби, Озермес и среднего роста Темиркан начинают поиски верховного деспотичного пши, отрезавшего кончик носа у их матери только по истечении года. Также во многих вариантах этого предания Ешаноко Озермес готовит месть для убийцы младшего брата тоже только по истечении одного года. А когда жена Озермеса разнесла ложный слух о том, что Темиркан её любовник, и из-за этого он вынужден был уйти из дома, люди стали искать его после истечения одного года, и честь Темиркана была восстановлена только после этого срока [14]. Таким образом, исходным суждением здесь может быть то, что истечение одного года можно рассматривать в эпосе как положительное начало нового. В связи с этим, символ числа «один» во времени можно интерпретировать как явление благоприятное.

Исходя из анализа, следует понимать, что символика числа «один» имеет положительное и отрицательное содержание. Можно полагать, что такая двойственная природа символа исходит из мнения, что единица – андрогенное число, совмещающее как мужское (т. е. положительное), так и женское (отрицательное) начало одновременно. Как отмечают многие исследователи чисел, единица символизирует мужчину. Однако мнение пифагорейцев в этом вопросе неоднозначно. Некоторые считали это число положительным, т. к., если его добавить к четному (т. е. отрицательному) числу получается нечетное (т. е. положительное) число. Другие считали, что, если единицу добавить к нечетному числу, последнее станет четным, и, следовательно, мужское превращается в женское. В связи с этим, образ «одной пули», которая поражает противника, акцентирует положительную сторону числа «один». А её вторая сторона, где «одна пуля» убивает доблестного богатыря, передает её негативный посыл. В первом случае число «один» передает концентрацию силы и мощи в одном действии или предмете, во втором, концентрацию всего негодования и трагизма. Сюда входит и образ «одинокого всадника», способного в одиночку отправиться в набег и противостоять отряду из 100, 1000 и 3000 всадников. Символика чисел 100, 1000 и 3000 здесь состоит в обозначении множественности для эффективного, преувеличенного представления образа героя. Однако, та же лексема *закъуэ* «одинокий», «единственный» содержит неблагоприятный контекст уязвимости и одиночества, ведущих к некоей опасности. Негативным по своим последствиям также предстает зов *одного* (кто-то) незнакомца, который всегда оказывается недобрым. Число «один» в единице времени, а именно истечение одного года, служит знаковым началом благоприятного явления.

Символика числа «два» в эпосе адыгов

В представлении пифагорейцев число «два» (*mly*) – первое число, происходящее из единства. По их мнению, дуада олицетворяет собой неравенство, нестабильность, подвижность, дерзость, потому что является первым числом, отделившим себя от божественного Единого. Они презирали дуаду, т. к. считали, что она символизирует полярность и невежество. Точно также в мифологии многих народов это символ двойственности и противоположности. При этом, иногда это число несет положительный посыл, но его основное назначение заключается в обозначении отрицательной оценки, т. к. в древности люди считали сдвоенные и двойные

предметы дьявольскими и приносящими вред человеку [5, с. 629]. Исходя из таких представлений, З. Ж. Кудева отмечает отрицательную трактовку числа «два» в паремиях, основанную на негативном восприятии двойного, близнечного происхождения как чего-то уродливого и неестественного в древности [15, с. 172–175].

Помимо этого мнения, в эпосе адыгов парность, например, парные повторы действующих лиц, атрибутов героя, его действий и ситуаций рассматриваются как прием для удвоения восприятия героизма богатыря или усиления глубины трагизма и внутренних переживаний. Так, в историко-героической песне эффект парности обозначает удвоенную силу героя, что создает образ сильного воина. В других вариантах это может быть удвоение силы его противника, победа над которым соответственно удвоит силу самого героя:

*(Уэ) гъусэ шэжыным (иджы, а-ра-уо) ди
Тальгостэнри хуэГээти (ра-уо-уи),
(Уэ) бзэм я нэхъ гуаццIэр и къуэлакъитIкIэрэ
зэхуишэрт [10, с. 53].*

(Уар) соратников [из похода живыми] приводит (иджы, а-ра-уо) Татлостан наш умел (ра-уо-уи).
(Уа) из луков самый тугой своими двумя руками стягивал [10, с. 54].

*ПацтыхъитIыр тахътэм цы(уэ)тесмэ,
<...>
джатэпэкIэ закъезыгъаццIэ! [10, с. 183]*

Двум падишам, на троне (уа) сидящим, <...>
меча острием о себе знать дающий!
[10, с. 184]

Парность в значении удвоенной силы можно рассматривать в часто встречающемся образе двух воинов-братьев, участвующих или погибших в сражении:

*(Уар, уаредэ) Ендэр и (уэ-уэ) къуитIри
<...>
я гъуццI я фаццэкIэ ныдокIри [10, с. 193].*

(Уар) Ендера (уа-уа) два сына <...>
В своих железных доспехах выезжают
[10, с. 197].

А также в парности его атрибутов:

*Уи пэхужьытIыр
Кхъуагъэм къыщоццтэ [8, с. 511].*

Твои беломордые два <вола>
В местечке Куага вздрагивают [8, с. 512].

*Саур гуццэри сишхонкIэкIитIури
Джэзгъогъоу гуццэми зыIэкIагъахъа
[8, с. 346].*

Сафьяном покрытые мои два пистолета
К врагам, гуца, в руки попадают [8, с. 347].

Или в парной удвоенной силе его противника:

ЗэбиитIыр уи нэм елъагъу [8, с. 457].

Двух врагов твои глаза видят [8, с. 459].

А удвоение трагизма по погибшему можно увидеть в удвоенном образе погибших или в образе двух невесток – жен двух братьев, а также двух детей или двух сестер или братьев, которых тот оставил после себя:

*(Айра) ди мэлъхъуэгухэт (жи) <...>
(а) хъэдитIыр зыгукIэрэ (рэ) махуэмэ
нашэж! [10, с. 208]*

(Айра) наших чабанов арбы (жи) <...>
(а) по два покойника (ра) в тот день домой везут! [10, с. 209]

*Хъаджэбирэмэр къэкӀожьын аӀошгъы
Сабий цӀыкӀуитӀор мэгугъэх [8, с. 537].*

«Хаджибирам вернется», считая,
Двое маленьких детей надеются [8, с. 539].

*ЗышыхъуитӀумэ дышгъэр аӀашгъхъ,
Зынэгугъхъэ пхъэцэ къутагъэр, –
ЗормыкъокӀэ Нэгъой кӀахъ [8, с. 354].*

У двух сестер золотом вышитые рукава,
<Чье> лицо <подобно> изрубленному
полену –
<Это> Зормыковых Ногай длинный
[8, с. 357].

Символика числа «два» также может выражать безысходность и внутренние переживания. Так, в песне Плач Хымсад (Хъымсадэ игъыбз) сетование о несчастной судьбе героини весьма удачно передается посредством данного символа. В данном случае это еще и знак унижительно-го положения княгини:

*Талгустэны гуцэмэ сызыкӀянысэрэри
(рау) мыгъоти <...>
джэхэшгъуакӀэ мыгъорэ
сицэджэгуакӀоркъа, <...>
Нэгъоижьгъы гуцэуи сызыцэжьыгъэмэ
(рау) мыгъоти
<...> цагъындей шитӀумэ сыдагъэ(э-э)
лъэхъу [9, с. 45].*

Таусултановых (гуща) снохой когда я была
(рау), о горе, <...>
до порога, о горе мой путь полдневный
был, <...>
Ногаец старый (гуща), который потом
[в жены] меня взял (рау), о горе,
<...> с двумя шагами меня наперегонки
бегать заставляет [9, с. 47].

Так как функция историко-героической песни заключается в восхвалении славных героев и высмеивании малодушия, парность используется также и для характеристики трусов в песне. Порицание предателей, оставивших Айтеча Канокова одного в бою усиливается указанием на парное объединение образов нарушителей рыцарской этики:

*Хъан и къуитӀым дыцэр я пацӀэц,
ЩӀэрацӀэ и къуэхэр дохъутей темыхц
[8, с. 503].*

Хана два сына золотоусые,
Любителя рядиться сыновья с <ружей>
чехлы не снимали [8, с. 505].

Далее к ним причисляются и другие виновники трагедии:

*Мызэ и къуэжыитӀыр къэрабгъэжыитӀми,
Къамыгъазэу я унэ дохъэж [8, с. 503].*

Миза два сына – оба трусы,
Не повернувшись, в свой дом заходят
[8, с. 505].

Таким образом, выявляется, что функциональная особенность числа «два» в эпосе адыгов заключается в отражении парности в значении удвоения силы и мощи героя или его противника, или же в удвоении глубины трагизма и внутренних переживаний. Исходя из этого, символ двойки в историко-героическом эпосе носит как положительную, так и отрицательную интерпретацию.

Заключение

В результате проведенного исследования можно прийти к следующему заключению:

- символы числа имеют глубокую сакральную мифологическую основу и объективируют древние представления и этико-эстетические предпочтения носителей фольклорного сознания;
- так как отражение чисел подчинено специфическим особенностям жанра, символическое использование числа в историко-героическом эпосе уникально. В связи с этим, символическое

значение чисел здесь содержит функцию усиления достоинств героя, с целью его возвышения и выделения среди остальных;

- числа «один» и «два» в эпосе по частоте употребления выступают менее значимыми, чем числа «семь», «три» и производные от них;

- символика числа «один» может содержать положительный и негативный аспект. Связано это с тем, что это андрогенное число, которое содержит в себе женское и мужское начало. Для древних культур характерно строгое разделение четных, нечетных чисел и отнесение первых к женскому, а вторых к мужскому полу. В фольклоре адыгов, это символ целостности и совершенства. В историко-героическом эпосе – это максимальное, сильнейшее значение, концентрация сил в чем-то одном. Например, концентрация сил и мощи в одном герое (образ одинокого всадника) или концентрация сил в одном ударе или одной пуле героя, которая поражает противника, или же концентрация скорби и негодования в образе одной пули, которая убивает самого героя;

- символика числа «два» характеризует нечетное число, в связи с чем, в основном содержит отрицательную интерпретацию. В эпосе адыгов это число указывает на значение парности, что дает двойное усиление значения. Иногда это двойное усиление силы героя или его противника, а иногда это усиление трагизма и внутренних переживаний. Поэтому в историко-героическом эпосе это число несет положительное и негативное осмысление.

Литература

1. Кудаяева, З. Ж. Паремно-этимологические жанры адыгского фольклора : автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Москва, 1986. – 21 с.
2. Хежева, М. Р. Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. – Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 136 с.
3. Хагожеева, Л. С. Числовая символика в эпосе адыгов // Вестник КБИГИ. – 2022. – № 4-2. – С. 147–157. – DOI : 10.31007/2306-5826-2022-4-2-55-147-157.
4. Алиев, О. Символика чисел в сказках: три, семь, сорок // Studia Humanitatis. – 2021. – № 1. – С. 155–166.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 томах. Т. 2 / главный редактор С. А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1982. – 719 с.
6. Песня о куркужинской битве // Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Инв. № 563-ф/5. – Кас. 454. (На адыгском яз.)
7. Песня о куркужинской битве // Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Инв. № 561-ф/2. – Кас. 194. (На адыгском яз.)
8. Адыгские песни времен кавказской войны / под общей редакцией В. Х. Кажарова. – Нальчик : Печатный двор, 2014. – 656 с. (На адыгском яз.)
9. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов : в 4 томах. Т. III. Ч. 2 / В. Х. Барагунов, З. П. Кардангушев. – Москва : Советский композитор, 1990. – 485 с.
10. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов : в 4 томах. Т. III. Ч. 1 / В. Х. Барагунов, З. П. Кардангушев. – Москва : Советский композитор, 1986. – 264 с.
11. Хагожеева, Л. С. Адыгская феодальная знать по материалам фольклора. – Нальчик : Принт Центр, 2019. – 268 с.
12. Песня старого Бора // Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Инв. № 667-ф/8. – Кас. 606. (На адыгском яз.)
13. Таурих Ешанок Атаби // Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Инв. № 648-ф/8. – Кас. 229. (На адыгском яз.)
14. Хабар про Ешанок Озермеса и Темиркана // Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Инв. № 718-ф/8. – Кас. 838. (На адыгском яз.)
15. Кудаяева, З. Ж. Мотив «двойничества» и символика «растительного кода» в адыгском фольклоре // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия : Филология и искусствоведение. – 2017. – Вып. 4. – С. 172–176.

References

1. Kudaeva, Z. Zh. Paremiological genres of Adyghe folklore. Abstract of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 1986, 21 p. (In Rus.)
2. Khezheva, M. R. Semantics and symbolism of numbers in the Kabardino-Circassian language. Nalchik, Publ. Department of Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS, 2017, 136 p. (In Rus.)
3. Khagozheeva, L. S. Numerical symbolism in the Adyghe epic. *Vestnik KBIGI*. 2022, no. 4-2, pp. 147–157. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-2-2-55-147-157. (In Rus.)
4. Aliev, O. Symbolism of numbers in fairy tales: three, seven, forty. *Studia Humanitatis*. 2021, no. 1, pp. 155–166. (In Rus.)
5. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vol. Vol. 2. Executive editor S. A. Tokarev. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1982, 719 p. (In Rus.)
6. Song about the Kurkuzhin Battle. In: Phonoarchive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. Inventory no. 563-f/5. Cassette 454. (In Adyghe)
7. Song about the Kurkuzhin Battle. In: Phonoarchive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. Inventory no. 561-f/2. Cassette 194. (In Adyghe)
8. Adyghe songs of the times of the Caucasian war. Edited by V. Kh. Kajarov. Nalchik, Pechatny dvor Publ., 2014, 656 p. (In Adyghe)
9. Folk songs and instrumental tunes of the Adygs: in 4 vol. Vol. 3. Part 2. V. Kh. Baragunov, Z. P. Kardangushev. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1990, 485 p. (In Rus.)
10. Folk songs and instrumental tunes of the Adygs: in 4 vol. Vol. 3. Part 1. V. Kh. Baragunov, Z. P. Kardangushev. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1986, 264 p. (In Rus.)
11. Khagozheeva, L. S. Adyghe feudal nobility on the materials of folklore. Nalchik, Print Center, 2019, 268 p. (In Rus.)
12. Song of the old Bor. In: Phonoarchive of the Institute of Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. Inventory no. 667-f/8. Cassette 606. (In Adyghe)
13. Taurikh Eshanoko Atabi. In: Phonoarchive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. Inventory no. 648-f/8. Cassette 229. (In Adyghe)
14. Khabar about Yeshanoko Ozermes and Temirkan. In: Phonoarchive of the Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. Inventory no. 718-f/8. Cassette 838. (In Adyghe)
15. Kudayeva, Z. J. Motif of “duality” and the symbolism of “plant code” in Adyghe folklore. *Vestnik of Adygeya State University. Series: Philology and Art History*. 2017, iss. 4, pp. 172–176. (In Rus.)